РАСПЛОХЪ.

ГЛАВА 1

ПОДЪЕМЪ.

Да, счастье, у кого есть эдакой сынокъ —
Имѣетъ, кажется, въ петличкѣ орденокъ?

«Вставай, рабята! Полно валяться на ржаныхъ пуховикахъ Пана Родомантовскаго, вставай! сѣдлай! Солнце Подольское ужъ вышло изъ–за жидовской корчмы; утки и бабы полощутся въ грязномъ ставкѣ, пора ѣхать!»

Такъ прогремѣлъ зычнымъ голосомъ плотный, невысокій, плѣшивый усачъ въ полосатомъ архалухѣ, съ длиннымъ чубукомъ въ зубахъ; съ громкимъ хохотомъ поправилъ красную феску свою, и началъ стаскивать шинели и бурки съ офицеровъ и юнкеровъ своего эскадрона,

лежавшихъ, восемь человѣкъ мужескаго пола, въ повалку, на разостланныхъ снопахъ соломы.

Полуодѣтые, полураздѣтые герои вскакивали, хватались за одежду, скликали Васекъ, Ванекъ и Мишекъ своихъ; одинъ кричалъ: трубку! другой: сапоги! третій: умываться! А эскадронный командиръ къ каждому изъ сихъ командныхъ словъ приговаривалъ во все драгунское горло: «а между прочимъ — водки!» Мертвая тишина обратилась въ шумный, многоязычный хаосъ, отрывки Турецкихъ и Молдавскихъ изрѣченій свидѣтельствовали объ участіи драгуновъ нашихъ въ дѣлахъ и славѣ Забалканскихъ, а восклицанія: «вшисцы дзябли, и коханый!» о нынѣшней стоянкѣ въ Польшѣ.

«Куда же мы поѣдемъ сегодня, Капитанъ?» спросилъ маменькинъ сынокъ, Поручикъ Охинъ. — Не сидѣть же намъ сиднями — возгласилъ тотъ, — и не волочиться же тебѣ, ухо–парню, за однѣми жидовками, да замарашками! Быть въ *Огиркахъ*, и не видать панянокъ мосци–

пана добродзія Жабруцкаго, это значитъ — быть въ кунсткамерѣ и не видать слона; быть въ Римѣ и Папы не видать! Мое красное времячко умчалось, вмѣстѣ съ темнорусыми волосками чела моего, которые вѣтеръ разнесъ одинъ по одному, и развѣялъ по обширному лицу нашего Царства! Но я знаю и помню Ляхитокъ, и васъ, новичковъ, хочу пустить въ колею по слѣдамъ нашимъ! Вы еще молоды, зелены, не смѣлы; но погодите, я васъ всѣхъ поставлю съ лѣвой ноги въ галопъ! Сѣдлай, ребята! сѣдлай, время ѣхать! —

— Ванюшка! чаю! — закричалъ Охинъ. «А между прочимъ водки!» прибавилъ Капитанъ. «Китайцы пьютъ чай изъ фарфоровыхъ чашекъ! Цѣдятъ воду сквозь желудки свои бархатные! Ужъ цѣди, не цѣди, вода есть, вода и будетъ!»

Вода для прачекъ и для Турокъ,
Для пароходовъ, для гусей,
Для тонкихъ, бѣлорукихъ цурокъ,
Лицетворительницъ мазурокъ,
Вода — для дѣвокъ и дѣтей!

Гусаръ бутылкамъ рубитъ шеи,
Шампанскимъ топитъ, не водой;
Уланы, спѣшившись, траншеи
Ведутъ подъ Дона батареи,
А латникъ пьетъ лишь пуншъ крутой!

Драгунъ коня поитъ водою,
И Турокъ топитъ не въ винѣ;
А пьетъ, что поднесутъ порою —
Кромѣ съ водой и съ квасомъ, къ бою
Хоть съ чѣмъ готовъ, и на конѣ!

«Пей!» продолжалъ онъ, подавая чарку Карачуну, сочинителю этой пѣсни, «пей, хохолъ, да садись на коня!»

Взнузданные кони ржали подъ крыльцемъ, драгуны, потирая ихъ полами шинелей своихъ, на нихъ покрикивали; жиды, снявъ мохнатыя шапки и сбившись всѣмъ кагаломъ въ кучку, стояли въ почтительномъ отдаленіи, и, въ ожиданіи, любуясь лошадьми, бормотали всегда по семи вдругъ. Не смотря на раннее утро, ставни и окна Пана Эконома, Пана

Комисаржа, Пана Рахмистра, Пана Кассира растворились, и бѣлокурыя головки мелькомъ выказывались. Босыя дѣвки, въ шерстяныхъ, тѣсно обвитыхъ запаскахъ, съ алою шерстяною тесьмою и двумя пучечками калины или бархатокъ и ноготковъ на головѣ, присѣдая подъ тяжелыми ведрами, или подъ связками мокраго бѣлья на зыбкомъ коромыслѣ, иноходью пробѣгали базарную площадь. Мѣрно выступая подъ большимъ вьюкомъ сѣна, однозвучно побрякивали драгуны шпорами — рѣдкіе удары валька и отголоски ихъ звонко отдавались подлѣ плотины. Вычищенные кони полуэскадрона стояли смирно со вздернутыми къ верху мордами у высокой коновязи, водили чутко ушами и по слову дежурнаго унтеръ–офицера: «торбы навѣшивать!» зашевелились всѣ и дружно въ голосъ заржали — офицерскіе кони, подъ крыльцемъ, оглядываясь назадъ, имъ отвѣчали, и герои наши, подъ предводительствомъ эскадроннаго командира, шумною толпою выступили на

крыльце. «Если Полковникъ будетъ,» закричалъ Капитанъ, занося ногу въ стремя, Вахмистру, ожидавшему у крыльца приказаній, «то я въ табунъ уѣхалъ!» Облако пыли и конскій топотъ помчались мимо растворенныхъ оконъ панскаго двора, гдѣ шумные клики замолкли и фуражки мелькнули въ рукахъ вѣжливыхъ всадниковъ. Царинный, завидѣвъ ихъ издали, отперъ со скрипомъ, низкія, широкія, длинныя, на стержнѣ, ворота, ведущія изъ села въ поле; бросивъ шапку на землю, онъ долго глядѣлъ имъ вслѣдъ, и, почесывая голову, казалось, ими любовался.

ГЛАВА 2

П О Х О Д Ъ .

Противорѣчье есть, и многое не дѣльно!

Выѣхавъ за село, поудержали кавалеры наши коней и поѣхали шагомъ.

Разговоры военнослужащихъ ограничиваются, какъ то и во всякомъ сословіи бываетъ, кругомъ мыслей, возбуждаемыхъ предметами, быту этого сословія свойственными. Первая вещь для офицера, коннаго и пѣшаго, служба; непосредственно за нею слѣдуютъ толки, суды и пересуды о тѣхъ, непосредственной власти коихъ они подчинены; а потомъ, какъ будто для отдыха и отрады, обращаются воспоминаніями и надеждами своими на неизсякающій душепитательный предметъ, занимающій болѣе или менѣе глубину души каждаго.

«Пошли Богъ скорѣе ремонтъ,» сказалъ Капитанъ; «скучно объѣзжать этихъ

беззубыхъ клячъ, которыхъ, подъ Карасу, едва живыхъ, на подпругахъ, водили на водопой и съ водопоя. Я уже опять наизустъ знаю каждый уголъ манежа, гдѣ которая изъ нихъ съ ноги сбивается и гдѣ жмется къ барьеру.»

— Пошли Богъ ремонтъ, — прибавилъ одинъ изъ товарищей, тотъ же Карачунъ: — и пошли Богъ терпѣнія! Меня ознобъ до мозговъ пронимаетъ, какъ подумаю, сколько тутъ будетъ, день за день, крику, шуму, визгу, и все это о ничемъ! А кто наконецъ страдаетъ при этомъ болѣе всѣхъ? Онъ же самъ; его чувствительное Нѣмецкое сердце, mein gefЯhlvolleэ deutэcheэ Herz, какъ онъ самъ его изволитъ величать, не можетъ перенести равнодушно этихъ вспышекъ, взрывовъ и покушеній спятить съ ума; и слѣдствіемъ всего этого бываетъ — желчная горячка! —

«Да,» возразилъ Костроминъ: «твоя правда. Странно, что люди, какъ онъ, живутъ въ двухъ лицахъ. Въ обращеніи съ обществомъ, съ людьми посторонними, это совсѣмъ не тотъ человѣкъ, что съ

подчиненными; тутъ нравъ, тамъ другой; здѣсь чувства, мысли, правила, тамъ совсѣмъ иныя; словомъ, это два лица въ одномъ недѣлимомъ. Намъ указываютъ на Европу, на Нѣмцевъ, на Французовъ, на Италіянцевъ, на Англичанъ — это первообразы умственнаго и нравственнаго просвѣщенія. Если это такъ, то по крайней мѣрѣ должно признаться, что эти господа такъ успѣшно перенимаютъ у насъ то, въ чемъ, не обинуясь, сами насъ обвиняютъ, что вскорѣ далеко превосходятъ учителей своихъ! Они охотно и высокопарно разсуждаютъ о равенствѣ человѣчества, о снисхожденіи къ недостаткамъ ближняго и обходительности житейской; между тѣмъ какъ сами нерѣдко обходятся уже вовсе не отечески съ нижними чинами, и бываютъ дерзкими и тягостными для офицеровъ. Наши Русскіе, правда, бываютъ иногда неотесаны, до того, что иной, кромѣ Воинскаго Устава и Русскаго Инвалида, рѣшительно печатнаго листа въ рукѣ не держалъ; есть и такіе, что огонь и воду прошли, и ради драть съ полка, какъ жидъ

съ аренды; но за то удаются и добряки средней руки, честные, прямые, не всегда ученые, но умные, и постигшіе въ обходительности настоящій духъ и бытъ Русскаго народа. Есть,» сказалъ Костроминъ, «есть образованные, умные, благородные, уважаемые начальники. Напримѣръ, полковой Командиръ алыхъ гусаръ: кто съ этакимъ человѣкомъ не полѣзетъ въ адъ!» — Напримѣръ, — продолжалъ Карачунъ: — чтобы возвратиться къ пѣхотѣ, командиръ того Егерскаго полка, который въ послѣдній Турецкій походъ заслужилъ въ одномъ дѣлѣ всѣмъ офицерамъ по двѣ награды! полка, въ которомъ отдаленный выстрѣлъ отзывается въ каждомъ рядовомъ сверхкомплектнымъ ударомъ пульса! Вотъ кому командовать дивизіями! —

«А 37–го Егерскаго бывшій Командиръ,» заступился съ горячностію Герстенмейеръ: «Какъ, развѣ...» — Ну, такихъ Нѣмцевъ давай Богъ побольше, — возразили Карачунъ и Костроминъ въ голосъ: — это дѣло иное! —

«Бросимъ это,» возразилъ Охинъ: «и поговоримъ лучше о дѣльномъ. Скажи намъ что нибудь о Полькахъ. Правда ли, что онѣ всѣ красавицы, всѣ милы и всѣ дурачатъ мужей?»

— Мнѣ кажется, — отвѣчалъ Костроминъ, — что въ образованіи, какъ тѣлесномъ, такъ и нравственномъ, обоихъ половъ народа Русскаго и Польскаго, есть какая–то противоположность, на которой основывается и житейскій бытъ каждаго. Должно признаться, говоря о среднемъ купеческомъ и мѣщанскомъ сословіи, что у насъ мужчины статны и благообразны, женщины менѣе видны, плотны. Природа, кажется, первыхъ образовала лучше; умственныя способности ихъ также болѣе развиты; уже по этому самому мужья у насъ въ домашнемъ быту берутъ верхъ; они самоуправны; добрая жена почитаетъ себя подданною мужа; если каится передъ нимъ въ проступкахъ своихъ, то говоритъ, при низкомъ поклонѣ: побей меня, поучи и прости! Польки, напротивъ, даже и среднихъ сословій, большею частію

стройны, умны, хитры; словомъ, онѣ, какъ свойствами тѣлесными, такъ и еще болѣе качествами умственными и нравственными, рѣшительно первенствуютъ надъ мужьями; онѣ гораздо проницательнѣе ихъ, а потому знаютъ это, и умѣютъ этимъ пользоваться. Вотъ почему у нихъ мужъ второе лице семейства, и болѣе самъ повинуется, чѣмъ повелѣваетъ! —

«Вздоръ все!» закричалъ Капитанъ, вслушавшійся въ послѣднія слова Костромина: «не вѣрь, Охинъ; волочись смѣло и прибирай ихъ къ рукамъ, да только самъ не поддавайся, такъ и помыкать тобою не будутъ!»

— Я говорю одно, возразилъ Костроминъ, — а вы другое. Вы говорите волочись; для чего же вы не скажете: женись? —

«Нѣтъ, братъ, ужъ это пустое,» отвѣчалъ Капитанъ: «наше дѣло волочиться, а жениться — это предоставимъ пѣхотнымъ, которые, какъ слышно, станутъ здѣсь на зимнія квартиры!»

— Опять нападки на пѣхоту! Смѣйтесь, Капитанъ, но между тѣмъ, вы, я это знаю, пѣхоту нашу уважаете! —

«Всему своя череда, свое мѣсто,» отвѣчалъ тотъ: «славно штыкомъ работаютъ; но въ свѣтскомъ обращеніи съ женщинами они вовсе шутокъ не знаютъ; вляпается, такъ весь, что его и коновязнымъ коломъ не отобьешь!»

— Въ самомъ дѣлѣ, это странно, — сказалъ Карачунъ — что у насъ конница такъ храбрится передъ пѣхотою, тогда, какъ послѣдняя не уступитъ первой. Кто только бывалъ въ дѣлахъ съ нашими войсками, согласится, что оплотъ силъ нашихъ не конница, а пѣхота. Любо слушать и видѣть, съ какою самонадѣянностію, спокойствіемъ и самоотверженіемъ гренадеръ беретъ ружье на перевѣсъ! Обаятельное ура! никогда не измѣняло густой колоннѣ, идущей на проломъ. Словомъ, истинно Русскій воинскій духъ, безпрекословное повиновеніе и шутливое острое слово, при горькой улыбкѣ отъ нуждъ и лишеній, —

это мы видимъ въ пѣхотѣ, въ этой грозной, неутомимой, неумолимой, мертвой–живой стѣнѣ! И это основано на духѣ народа Русскаго. Почти во всей остальной Европѣ конница лучше пѣхоты; у насъ не достаетъ огня и пылкости для атаки кавалерійской, гдѣ все должно летѣть сломя голову, гдѣ требуется только минутнаго, изступительнаго восторга. У нихъ нѣтъ этого желѣзнаго постоянства, неутомимости, слѣпаго повиновенія и силъ тѣлесныхъ — качествъ необходимыхъ для пѣхоты! —

«Далеко ли до Чаповца?» спросилъ Охинъ, растаявшій отъ жару какъ леденецъ, — ѣхавшаго встрѣчу имъ, на парѣ огромныхъ сѣрыхъ воловъ, мужика. Хохолъ снялъ высокую черную баранью шапку, кивнулъ головою, замахалъ длиннымъ батогомъ своимъ, закричалъ: собъ, собъ, собъ малый! чтобы дать всадникамъ дорогу, и потомъ отвѣчалъ: «До Чаповця? Якъ мини, то далеко; а якъ панамъ, то близко!» — Какъ такъ? — спросилъ Охинъ. — «Бо у пановъ кони

добры!» — А горы есть? — «Е;» — Много? — «Одна.» — Велика? — «Якъ звиттыля, то не дуже, а якъ туды, то гай, гай, гай....» то есть: коли оттуда ѣхать, то не такъ велика; а какъ туда, то ой, ой, ой!

ГЛАВА 3

П Р И В А Л Ъ .

Когда избавитъ насъ Творецъ
Отъ шляпокъ ихъ, чепцовъ и шпилекъ и булавокъ
И модныхъ и бисквитныхъ лавокъ!

Драгуны наши отъ души разсмѣялись. Капитанъ потрунилъ надъ Карачуномъ и земляками его, а какъ они доѣхали до корчмы, передъ которою сидѣлъ, на порожней бочкѣ, панъ арендаржъ, шинкарь, Мойшель, въ чулкахъ безъ пятокъ, башмакахъ безъ задниковъ и въ сальныхъ нанковыхъ короткихъ панталонахъ безъ пуговицъ, то Капитанъ и скомандовалъ: «стой! слѣзай!» Охинъ хотѣлъ

прислужиться, и потому, не теряя времени, велѣлъ жиду подать кварту наливки, вишневки. «Дѣло!» закричалъ Капитанъ: «но между прочимъ водки! Эта наливка пополамъ съ водою; а ты знаешь, что я боюсь воды, какъ бѣшеная собака!»

Нескладный крикъ десятка голосовъ, въ числѣ коихъ можно было отличить мужской, призывающій кликомъ: ратуйте, кто у Бога вируе! ратуйте! на помощь, и нѣсколько бабьихъ, жидовскихъ и дѣтскихъ, возбудили вниманіе молодежи нашей, и они всѣ бросились за корчму.

Большой воловій возъ, нагруженный арбузами и дынями, стоялъ, запряженный, у заднихъ воротъ корчмы, имѣвшей, какъ обыкновенно, вмѣсто двора, обширный сарай подъ одною кровлею съ тѣснымъ и грязнымъ жильемъ. Одна жидовка держала на рукахъ мальчишку, который кричалъ и рвался изо всей силы; безчисленное множество жиденковъ всякой величины, подъ предводительствомъ трехъ другихъ жидовокъ, растаскивали арбузы и дыни съ воза въ хату, между тѣмъ какъ

неповоротливый хохолъ въ кожухѣ и въ свиткѣ, среди жаркаго лѣта, метался, какъ угорѣлый, во всѣ стороны; и всѣ они, и малый и великій, бормотали, кричали и визжали въ голосъ. Мужикъ ринулся подоспѣвшимъ на помощь въ ноги, и не переставалъ кричать, какъ будто его кто рѣзалъ: «ратуйте, кто у Бога вируе, ратуйте!» Трудно было понять и разобрать, что тутъ происходило. Но Капитанъ началъ тѣмъ, что разогналъ нагайкой жидовокъ и жиденковъ, и заставилъ пришедшаго въ себя хохла расказать Карачуну все дѣло, а этотъ пересказалъ слѣдующее: мужикъ везъ съ баштана своего арбузы и дыни въ мѣстечко на базаръ; корчмарь остановилъ его на перепутьѣ, продержалъ, уговаривая продать ему возъ, часа два, наконецъ, пополамъ съ грѣхомъ, уговорилъ, поподчивалъ наливкой и сдалъ на руки жидовкамъ. Здѣсь начался торгъ: мужикъ просилъ за возъ два рубля, жидовки сулили копу, наконецъ 40 грошей, и съ неимовѣрнымъ крикомъ и шумомъ приступали къ нему, до того, что бѣдняка

почти оглушили; а когда онъ вырвался, закричалъ: цуръ вамъ, пекъ вамъ, и хотѣлъ отъ нихъ убраться, то одна схватила съ возу ребенка, а цѣлая стая племени Израилева бросилась со всѣхъ сторонъ расхищать возъ. Ошалѣвшій, одурѣвшій хохолъ кидался во всѣ стороны; жидовка съ ребенкомъ бѣгала отъ него вокругъ воза; онъ за нею гонялся; другая хватала его за капишонъ свитки и совала въ глаза сорокъ грошей мѣдью; жиденки подкатывались ему подъ ноги, кричали: ой, вей! онъ черезъ нихъ падалъ... «И такъ разбой на большой дорогѣ, въ полномъ смыслѣ слова,» сказалъ Капитанъ. — Розогъ! — закричалъ горячій Нѣмецъ, Штабсъ–Капитанъ Герстенмейеръ: — выпоремъ всю корчму, и жидовокъ и жиденятъ и все племя Израилево! — «Розогъ!» подхватилъ Капитанъ, «а между прочимъ водки.» — Постой, Карлъ Карловичъ, не горячись, — сказалъ Костроминъ: — не забудь, что мы ѣдемъ къ пану Жабруцкому, а этотъ корчмарь его арендаржъ; и такъ не ловко будетъ начать новое знакомство такимъ

образомъ. Лучше мы ему дѣло пораскажемъ и будемъ требовать, чтобы онъ жида наказалъ. — И такъ Панъ арендаржъ отдѣлался на этотъ разъ доброю заушиной, которою снабдилъ его на прощанье Карлъ Карловичъ, и кавалерія наша, выпроводивъ хохла на большую дорогу, тронулась на Чаповецъ.

Потолковавъ объ этомъ происшествіи и объ угнетеніи юго–западныхъ губерній нашихъ жидами, Капитанъ опять придрался къ хохлу, какъ онъ называлъ Карачуна, и утверждалъ, что безмозглые земляки его сами этому причиной. «Не поддавайся,» кричалъ онъ, какъ будто командовалъ передъ эскадрономъ, «не поддавайся, такъ и помыкать тобою не будутъ!» — Золотое правило, — замѣтилъ Карачунъ; — но опытъ намъ показываетъ, что не всѣ и не всегда могутъ ему слѣдовать. Сообразите все, любезный Капитанъ, всѣ обстоятельства, средства и пронырливыя ухватки, коими это пресмыкающееся племя искони научилось пользоваться, для притѣсненія и угнетенія бѣднаго крестьянина; ухватки, переходящія

какъ достояніе наслѣдственное изъ рода въ родъ, отъ отца къ сыну, отъ сына къ внуку, и вы не захотите быть столь несправедливымъ, чтобы сложить всю вину этого бѣдствія на мужиковъ; несравненно болѣе потворство жадныхъ къ деньгамъ помѣщиковъ этому причиною; здѣсь дворянство Польское, а мужики всѣ Малороссы. Еврей всю жизнь свою посвятилъ изученію и усовершенію искусства пользоваться временемъ, обстоятельствами и нуждами ближняго; у мужика есть занятія другія, и потому онъ въ познаніи свѣта и людей долженъ нѣсколько отстать отъ перваго; къ тому еще вся промышленость, курсъ, деньги, цѣны и товары въ рукахъ у жидовъ, которые дѣйствуютъ и въ оборотахъ своихъ точно какъ они разговариваютъ: всѣ вдругъ. Вспомните, сколько мы сами бываемъ въ зависимости у жидовъ, когда стоимъ въ городкахъ и мѣстечкахъ, не смотря на то, что бьемъ ихъ и воображаемъ ими помыкать. Русскій мужикъ смѣтливѣе, расторопнѣе хохла, это правда; но и у этого

нѣтъ недостатка въ умѣ природномъ. Въ немъ южная кровь, онъ любитъ лежать въ просѣ на печи, но его грѣшно называть тупымъ и глупымъ, какъ это нерѣдко дѣлаютъ не довольно его знающіе; напротивъ, всѣ острыя шутки его, я это смѣло утверждаю, облагорожены какимъ–то особеннымъ духомъ простодушія, замысловатости, и, въ то же время, чуждымъ всякаго самохвальства и притязанія. Полякъ, или хвастаетъ, хвалится, пустословитъ, или онъ коварно льститъ, или по крайней мѣрѣ таится въ душѣ своей, и никогда не выкажетъ истинныхъ чувствъ своихъ, мыслей и намѣреній; Малороссъ, напротивъ, охотнѣе всего прикидывается простачкомъ, олухомъ, а между тѣмъ дурачитъ всякаго, кто самъ дастся въ обманъ. Русскій мужикъ, сообразно прямому, открытому нраву своему, шутитъ намеками, замѣчаніями; но у него нѣтъ замашки вкрадываться простодушіемъ своимъ въ довѣріе ваше, а потомъ озадачивать замысловатыми истинами въ видѣ вопроса,

какъ будто невзначай предложеннаго, а это, воля ваша, съ тупымъ умомъ несовмѣстно. —

«Посмотри же,» сказалъ Герстенмейеръ, указывая на пашущаго мужика: «полюбуйся на умнаго земляка твоего, который дѣлаетъ четырьмя парами воловъ то, что другіе люди дѣлаютъ одною клячею! У насъ въ Лифляндіи»....

— Не горячись! — прервалъ его Карачунъ: — и у насъ въ Россіи то же, но это не Лифляндія и не Россія; послушай. Нѣкто богатый помѣщикъ въ Малороссіи, одушевленный твоею мыслію, вздумалъ быть преобразователемъ страны своей; онъ выписалъ между прочимъ изъ Англіи патентованную соху, или плугъ орѣховаго дерева, съ мѣдною полированною оковкою, на лемешѣ (сошникѣ) котораго было насѣчено: patent silver–steel, и выгналъ въ одно Воскресенье все село въ поле, чтобы новымъ плугомъ взорать при всѣхъ пробную десятину. Хохлы, въ ожиданіи пана своего, собрались въ кучу около новаго плуга, толковали и разсуждали.

Панъ пріѣзжаетъ; всѣ почтительно снимаютъ шапки, раступаются, подводятъ къ плугу лошадей. «Пане!» спросилъ тогда стариннаго закалу чубатый хохолъ: «спытаюсь я у пана, кто тыи плуги робитъ? т. е. кто сдѣлалъ этотъ плугъ?» — Англичане, — отвѣчалъ панъ. — А что, не хорошъ? — «Нема що казаты,» продолжалъ тотъ: «а чомъ же воны, тыи Галичане, до насъ въ Одестъ за хлибомъ издять? Чуете, пане, теперечки воны до насъ издятъ, а якъ мы тыми плугами будемо ораты, то уже мы до нихъ за хлибомъ поидемо!» — И онъ правъ, продолжалъ Карачунъ, — когда всѣ товарищи захохотали: голая почва наша, которую солнце пропекаетъ на футъ, на полтора, хочетъ быть взрытою на такую же глубину, и тогда только даетъ плодъ, и плодъ обильный; пробная десятина не дала и посѣва, и плугъ орѣховаго дерева не окупился!

— Раскажу вамъ еще подобную шутку. Помѣщикъ, сосѣдъ мой, издерживался и разорялся на охоту, на собакъ. Однажды затравилъ онъ зайца въ полѣ, въ

нѣсколькихъ шагахъ отъ пахаря. Радостныя восклицанія псарей и стремянныхъ возглашали побѣду, рога трубили, и восхищенный охотникъ въ поту, въ пыли, гордо озирался. «Пане!» спросилъ его почтительно мужикъ, лаская собакъ и любуясь на зайца, на лошадей: «що коштуе тый заяцъ? сколько стоитъ заяцъ?» Панъ расмѣялся неумѣстному вопросу и отвѣчалъ: рубль. «А хортъ? т. е. а собака?» — Сто рублей. — «А кинь панскій, а барская лошадь?» продолжалъ неотвязчивый допросчикъ. — Пять сотъ рублей. — «А панъ самъ,» опять началъ хохолъ: «то уже звистно, що неоциненный; стало быть: рубель утикае, сто догоняе, а якъ пятьсотъ споткнется, то нашъ неоциненный убьется!» Драгуны захохотали въ голосъ. «Всѣ мы постигаемъ недостойное этой разорительной страсти,» сказалъ Карачунъ: «но прошу васъ показать на словахъ убѣдительнѣе и проще ничтожность ея и малодушіе ей подпавшаго!»

ГЛАВА 4

Д Н Е В К А.

Во–первыхъ, напоятъ шампанскимъ на убой;
А во–вторыхъ, такимъ вещамъ научатъ,
Какихъ, конечно, намъ не выдумать съ тобой.

Отрядъ нашъ поднялся на гору, за которою, въ глубокомъ яру, лежалъ Чаповецъ. На Подолѣ есть мѣстоположенія, изумляющія проѣзжаго дикостію и разнообразіемъ своимъ, особенно, если онъ ѣдетъ изъ южныхъ степныхъ губерній. Рыхлый черноземъ обильно питаетъ сокомъ своимъ поля пшеницы, кукурузы, дынь и арбузовъ; на песчаныхъ отлогостяхъ зеленѣются шпалерами виноградныя лозы; плодовые сады прилегаютъ къ изгибамъ ручья; дикій камень грядами пролегаетъ по гребнямъ высшихъ горъ и пригорковъ; гребельки съ водяными мельницами и бѣлыя мазаныя хаты животворятъ природу. Таково было мѣстоположеніе Чаповца.

Панскій дворъ, старинной постройки, лежалъ, какъ семибашенный замокъ, раскинутый на противолежащемъ скатѣ, лицемъ къ путникамъ нашимъ; по обѣ стороны главнаго средняго зданія, двои обвалившіяся огромныя ворота свидѣтельствовали о бренности подлунной; а притворенныя и шестами подпертыя ставни самаго дома и новая крыша изъ драни или тесу на одной изъ пристроекъ, о худыхъ финансахъ хозяина, который, покинувъ великолѣпное, но обветшалое обиталище прадѣдовъ, сосредоточилъ силы свои, домъ и дворъ и весь штатъ, въ одномъ изъ боковыхъ флигелей. Охинъ первый замѣтилъ, между строевымъ разбросаннымъ лѣсомъ двухъ пестренькихъ, стройныхъ Подоляночекъ, прыгавшихъ на доскѣ поперегъ бревна перекинутой. Онѣ, когда всадники приблизились, убѣжали во дворъ. Долго большая рябая собака, занявшая ихъ мѣсто на бревнѣ, стояла и лаяла на вѣтеръ, покуда наконецъ вышли растворить ворота, и панъ Маршалокъ явился на крыльцѣ,

просить гостей. Въ передней встрѣтилъ ихъ самъ панъ Жабруцкій, въ сѣромъ контушѣ со снурками и тесьмою, однако же новѣйшаго покроя, со сплошными рукавами и на пуговицахъ, вмѣсто кушака. Капитанъ, старый пріятель и собутыльникъ его, представилъ въ двухъ словахъ офицеровъ своихъ, и панъ Жабруцкій обнималъ и перецѣловалъ всѣхъ ихъ въ уста и въ плечи. Онъ, казалось, радовался гостямъ непритворно, ввелъ ихъ въ покои, и представилъ женѣ и дочерямъ. Подали кофе, трубки, потомъ и закуску, водки, наливки и вина. Дамы дозволяли кавалерамъ подходить къ рукѣ, но, подавая ее, сами ихъ не цѣловали въ щеку, какъ у насъ. Трубки не безпокоили женщинъ ни сколько, а пани Жабруцка сама курила въ запуски. Разговоръ вскорѣ сдѣлался общимъ, шумнымъ и веселымъ; офицеры наши всѣ говорили по Русски, хозяева отвѣчали по Польски, но тѣ и другіе хорошо другъ друга понимали. Старикъ нерѣдко вскакивалъ среди разговора, и обнималъ въ веселомъ расположеніи гостей

своихъ, увѣряя, что онъ: «далибугъ, правдзивый Россіянинъ!» Карачунъ замѣтилъ, что нѣсколько дворовыхъ казаковъ полетѣло мимо оконъ въ разгонъ, въ разныя стороны, вѣроятно сзывать ближнихъ сосѣдей, или для пополненія хозяйства чѣмъ либо на скорую руку изъ ближняго мѣстечка. Три дѣвицы, не смотря на то, что не ожидали гостей, хорошо и опрятно одѣтыя, выступали павами, не смигали глазами, если кавалеры наши на нихъ обращали взоры, не шушукались, не хихикали и не прятались, какъ наши барышни, а казалось, напротивъ того, открытыми смѣлыми взорами и улыбкою заискивали бесѣды, и вызывали къ разговорамъ и къ новому знакомству. Капитанъ первый подошелъ къ нимъ, поцѣловалъ еще разъ ручку каждой, и началъ изъ учтивости ломать и искажать Польскій языкъ. Объ немъ ходила молва, будто онъ не зналъ ни одного языка, кромѣ своего природнаго, Русскаго; но это было не совсѣмъ справедливо. Филологическія свѣденія его ограничивались только тѣмъ,

что ему удавалось пріобрѣтать на походахъ и стоянкахъ самоучкою и наслышкою. Онъ въ 14 и 15 годахъ зналъ по Нѣмецки и по Французски, и теперь еще иногда припѣвалъ Французскую пѣсню: вивъ Андрей кватеръ, вивъ сюрви дерви; т. е. Vive Henri quatre, vive ce Roi deэ Roiэ! По Турецки умѣлъ спросить: качъ алтынъ? качъ пара? Веръ бана каве, чубукъ, экмѣкъ. По Молдавски зналъ: Пулхерица, Зоица, Смарандица, Аглаица и множество другихъ женскихъ именъ, и пѣлъ пѣсню: Унде каса мититика, унде фата формотика;(*) кромѣ того онъ говорилъ по Латышски, по Чувашски и даже нарѣчіемъ Жмуди; но болѣе всего усовершенствовалъ онъ себя въ Болгарскомъ и въ Польскомъ, и увѣрялъ, что стоитъ только постичь духъ языковъ сихъ и ломать Русскій, въ первомъ случаѣ, придерживаясь Славянскаго, и говоря, напримѣръ: вмѣсто корова *крава;* вмѣсто молоко, *млеко*, и прибавляя по усмотрѣнію иногда окончанія: *ушка* и *енко;* а во второмъ, перенося всѣ ударенія на

предпослѣдній слогъ и расточая смѣлѣе сложныя согласныя: бржи, хржи, крже и прше; дѣлая это, увѣрялъ онъ, и самъ твердо былъ увѣренъ, что говорилъ по Болгарски и по Польски. Польки, охотно съ нимъ связывались, спорили, кричали, учили его, и онъ такимъ образомъ непрестанно обогащалъ филологическія познанія свои. Панны: Зося, Людвися и Юзя, т. е. Софія, Людовика и Іозефа, также вмѣшались въ общій разговоръ; каждая овладѣла непримѣтно однимъ изъ гостей и взяла его подъ особенное свое покровительство. И нѣжный Охинъ, узнавъ въ первой, т. е. въ Зосѣ, одну изъ волтижерокъ, тронувшихъ уже на разстояніи 200 саженъ доступное изящному сердце его, былъ вскорѣ до того погруженъ въ думы, мечты и сладкія грезы, что, сидя съ нею рядомъ и касаясь ножки ея, воображалъ участвовать въ разговорѣ и поддерживать краснорѣчивую, занимательную, остроумную бесѣду, между тѣмъ, какъ онъ молчалъ и даже не слышалъ, кто и о чемъ говорилъ. Не думайте однакожъ, чтобы никто изъ

домашнихъ этого всего не замѣчалъ; напротивъ, видѣли и знали все, но никому не приходило въ голову показывать это, ввязываться и мѣшаться не въ свое дѣло. Не думайте также, чтобы Полька, и особенно дѣвица, вызывая васъ на вольное съ нею обращеніе, дала вамъ симъ самымъ какое либо надъ собою право — весьма ошибаетесь! Она нерѣдко дѣлаетъ это своевольно и своенравно, никогда притомъ не забывается и устаиваетъ твердо противу всякаго искушенія.

Время до стола пролетѣло скоро; явились еще нѣсколько изъ сосѣдей и, послѣ прогулки, на которой Охинъ блаженствовалъ, бѣсился, плакалъ и смѣялся по очереди, смотря по тому, его ли, или одного изъ земляковъ своихъ, рябаго усача въ черной венгеркѣ, предпочитала пастушка его, всѣ возвратились наконецъ въ покои. Четыре жида со скрыпками и цымбалами ударили въ самую ту минуту мазуречку, когда кавалерія наша поглядывала было по угламъ на сабли свои. Пуншъ и вино

обносили безпрестанно. Несносный, варварскій обычай приневоливать всякими средствами гостей къ попойкѣ, одного только Капитана нашего не безпокоилъ нисколько; онъ покручивалъ усы въ запуски съ Сарматами и разговаривалъ съ ними по Болгарски.

У насъ мазурка, и голоса, и самая пляска, искажены; народность въ томъ и другомъ утрачена. Надобно видѣть и слышать мазурку въ Польшѣ, тамъ, гдѣ старые усачи въ контушахъ за вистомъ моргаютъ усами и стучатъ каблуками въ мѣру; гдѣ шляхтичъ и водовозъ, княжна и прачка, пляшутъ и напѣваютъ мазурку! Только краковякъ, унылый и однозвучный, при всемъ разнообразіи напѣвовъ и необузданной веселости пляшущихъ, замѣняетъ иногда въ народѣ мазурку.

Около полуночи попутчики наши, — мы не откажемся, думаю, слѣдовать за ними и на возвратномъ пути, — при громкихъ прощаніяхъ, восклицаніяхъ и лобызаніяхъ, благополучно отретировались на крыльце, гдѣ драгуны съ лошадьми ихъ ожидали.

«Тршимайся, пане Капитане, тршимайся!» кричалъ панъ Жабруцкій, вслѣдъ гостямъ своимъ, и, подымая свѣчу выше головы, едва не поджегъ соломенную стрѣху навѣса. Охинъ еще разъ бросилъ болѣзненный взоръ на панну Зосю, на рябаго усача въ черной венгеркѣ и вскорѣ, отдавался только въ ушахъ всадниковъ топотъ собственныхъ коней ихъ, отдаленный крикъ пѣтуховъ и лай собакъ. Подъ гору, на гору и опять подъ гору — и Охинъ былъ лишенъ даже послѣдней отрады и утѣшенія встрѣчать взорами, оборачиваясь назадъ, привѣтливые просвѣты оконъ той храмины, въ которой онъ оставилъ сердце свое на сохраненіе и сбереженіе.

ГЛАВА 5

ТРЕВОГА.

Свѣтаетъ! Ахъ, какъ скоро ночь минула!

Молча, герои наши продолжали путь свой шагомъ и рысью; только трубки ихъ иногда искрились въ потьмахъ, и Капитанъ по временамъ покрикивалъ: фальшъ! когда усталый конь его начиналъ дробить ногами. Охина не было дома; онъ заносился и взвивался, какъ ликующій жаворонокъ. Герстенмейеръ былъ недоволенъ брудеромъ своимъ, Карачуномъ, который отбивалъ у него панну Іозефу, и бѣсился на рябаго Поляка, который осмѣлился плясать мазурку за мазуркой, въ венгеркѣ, хотя офицеры всѣ были въ мундирахъ; а Костроминъ увѣрялъ его, что всему этому причиной то, что онъ сегодня не надѣлъ лядунки! Наконецъ Карачунъ затянулъ въ полголоса: Не одна–то во полѣ дороженька пролегала; подголоски юнкера, и прочіе

всѣ, приставали, одинъ по одному, а Охинъ, поотставъ немного отъ товарищей своихъ, колыхалъ и лелѣялъ нѣжныя чувства свои на созвучіи стройныхъ и согласныхъ родныхъ напѣвовъ. Часъ, другой, третій умчались непримѣтно. Заря занялась, а наконецъ и солнце озлатило утро, которому подобнаго Охинъ не видалъ съ тѣхъ поръ, какъ встрѣчалъ солнце на конѣ. Чаповецъ, Огирки и опять Чаповецъ, безпрестанно пестрѣлись въ воображеніи его; и когда наконецъ Огирки, оживленныя многолюднымъ стеченіемъ, предстали взору его, то ему хотѣлось воротиться въ Чаповецъ.

Въ Огиркахъ каждыя двѣ недѣли, въ Воскресенье, былъ ярмарокъ, и герои наши пробирались между шумными кучами народа. Здѣсь жиды и жидовки продавали съ возу деготь, сало, свѣчи, табакъ, мыло и водку; все это было ими снято отъ пана на откупъ, и вольная продажа заказана. Мужики торговали только овсомъ, хлѣбомъ, сѣномъ, арбузами и дынями, кукурузой и лукомъ, а жиды ихъ

обманывали, обвѣшивали и обмѣривали. Дѣло кончалось тѣмъ, что хохолъ продавалъ на гривну, а пропивалъ полтину. Горшки и бублики, по сану своему, занимали почетныя мѣста площади. Дѣвки и бабы, разубранныя, толпились около нихъ, толкались, кричали и шумѣли большею частію безъ дѣла. Ярмарокъ для нихъ праздникъ, прогулка. Слѣпой старикъ игралъ на рылѣ (на лирѣ) и воспѣвалъ походы Гетмана Богдана Хмѣльницкаго; овцы, сбившись въ кучу лбами, протяжно вторили ему; поросята съ возу прихрюкивали, драгуны выхваляли прочность и дешевизну выношенныхъ, заслуженныхъ шинелей, сапоговъ и мундировъ; деньщики терлись между возами, проклинали смолу и деготь на колесахъ, и закупали на четырнадцать грошей хозяйственный двухнедѣльный запасъ для господъ своихъ, до будущаго ярмарка.

Доѣхавъ до общей квартиры своей, всѣ, молча, слѣзли съ коней. Охинъ первый спросилъ чаю, а Капитанъ уже съ

нетерпѣніемъ ожидалъ этого, чтобы возгласить: «а между прочимъ водки!» Герстенмейеръ, у котораго рана, полученная имъ подъ Боялештами, всегда разбаливалась, когда онъ сердился, отправилъ гонца въ полковой Штабъ, къ доктору, за камфорнымъ спиртомъ. Всѣ улеглись въ повалку, ставни затворились и деньщики, проспавшіе благополучно ночь, спокойно покуривали, сидя на крыльцѣ, дешевые корешки, отгоняли шумныя базарныя толпы отъ оконъ почивающихъ господъ своихъ, и тонкими голосами дразнили босыхъ дѣвокъ и бабъ въ черевикахъ, или червонныхъ чоботахъ съ подковками.

Хотите ли заглянуть между тѣмъ въ полковой Штабъ? Тамъ, отъ Огирокъ верстахъ въ 20, не смотря на воскресный день, давнымъ давно уже кипѣло ученье, конное и пѣшее, одиночная выправка, сабельные и ружейные пріемы и манежная ѣзда, и Полковникъ, повѣстивъ уже съ вечера, за худые успѣхи въ будни, ученье на завтрашній праздникъ, далъ Агамемнону

и Минервѣ, которые не пошли траверсомъ, по 50 плетей, и заперся одинъ въ кабинетѣ своемъ. Неисправности въ швальнѣ, въ канцеляріи и въ музыкантской школѣ превзошли мѣру терпѣнія его; онъ объявилъ Адъютанту, что смѣняетъ его, а Охина назначаетъ на его мѣсто, и приказалъ самому Адъютанту написать объ этомъ приказъ по полку. Но довольно; оставимъ это, а заглянемъ теперь и въ Чаповецъ.

Оттуда, вслѣдъ за нашими кавалерами, отправились и гости; домъ опустѣлъ, все стихло, свѣтъ — окно за окномъ — исчезалъ; все погрузилось во тму ночную; топотъ и хохотъ отзывался только въ покоѣ панянокъ, которыя мѣряли, взвѣшивали и цѣнили достоинства, преимущества и недостатки новыхъ поклонниковъ своихъ; — наконецъ и это смолкло, и только тихій шелестъ шаговъ въ саду могъ бы увѣрить въ томъ, что еще не все въ домѣ заснуло, и что животное, перескочившее черезъ плетень съ улицы въ садъ, былъ человѣкъ, а не собака, какъ то увѣрялъ ночной

сторожъ, стоявшій за садомъ, случайно проходившаго въ такое позднее время нашего знакомца, Еврея Мойшеля, арендаря пана Жабруцкаго. И такъ намъ остается только возвратиться въ Огирки, гдѣ мы покинули кавалерію нашу въ глубокомъ снѣ.

Капитанъ обошелъ уже въ архалухѣ и въ фескѣ, съ трубкою, конюшни свои, надъ каждою изъ коихъ возносился вѣнецъ съ пучками соломы; былъ на чисткѣ, на проводкѣ, и направилъ стопы свои въ казарму, общую квартиру своихъ офицеровъ, чтобы стащить съ нихъ одежду, и, придравшись къ любому изъ нихъ, при воззваніи къ Лафлёрамъ, потребовать, *между прочимъ*, водки. Но здѣсь онъ нашелъ все и всѣхъ въ тревогѣ; разсыльный изъ полковаго Штаба стоялъ у воротъ, а Охинъ, съ бумагою въ рукахъ, встрѣтилъ Капитана на крыльцѣ, внѣ себя, въ тоскѣ, въ горести, и если бы не стыдно было, то сказалъ бы, въ слезахъ. Капитанъ взялъ бумагу и прочиталъ: «Господину Поручику и Кавалеру Охину. Съ полученія сего,

предписывается Вашему Благородію, безъ малѣйшаго замедленія, подъ строжайшею отвѣтственностію, явиться въ полковой Штабъ, вступить въ должность полковаго Адъютанта и завѣдывать оною впредь до повелѣнія.» — Дѣлать нечего, — сказалъ Капитанъ: — слезою моря не наполнишь, а кручиною поля не изъѣздишь; сѣдлай, да ступай; а на прощанье — выпьемъ! —

Охинъ не могъ прійти въ себя: ясно было, что предстоящая ему невозможность продолжать знакомство свое съ Жабруцкими, сокрушала его не менѣе предчувствія о безконечномъ и неизбѣжномъ горѣ въ новой должности своей, для которой онъ, впрочемъ, вовсе не былъ созданъ. Ему ли, безпечному, изнѣженному, а додатку еще и влюбленному, исправлять должность Адъютанта, вести письменныя дѣла и драться съ пьяными писарями, смотрѣть за музыкантскою школою, за швальнями, за мастеровыми, словомъ, взять на руки всю безпардонную, нестроевую, западную силу! Но, что главное... тогда прости, Зося,

померкни звѣзда счастія моего, заря обѣтованнаго, въ грезахъ, блаженства — залогъ правды небесной, все прости!

ГЛАВА 6

О Т Б О Й .

Вотъ то–то, невзначай; за вами примѣчай,

Такъ вѣрно съ умысломъ....

Наконецъ Охинъ, какъ будто мгновенно новая мысль просвѣтила бѣдствовавшую душу его, Охинъ, слабый и нерѣшительный, вскочилъ, ударилъ кулакомъ по столу и, съ твердостью, какой товарищи доселѣ въ немъ видѣть не привыкли, объявилъ, что не поѣдетъ въ Штабъ, и не вступитъ въ должность Адъютанта! «Я боленъ,» продолжалъ онъ: «и не могу нести этой должности. Богъ свидѣтель, что я не лгу; я боленъ! Клянусь не выходить изъ дому въ продолженіе цѣлой недѣли, двухъ, трехъ! —

Подай халатъ, Ванька!» — Эй, халатъ! — подхватилъ Капитанъ: — а между прочимъ, водки; надобно выпить здоровье болѣющаго! Эй, братъ, Охинъ, берегись, я что–то подмѣчаю за тобою….

«Онъ, кажется,» возразилъ Карачунъ: «чуть ли не намѣренъ избавить пѣхотныхъ отъ обязанности, которую вы, Капитанъ, на нихъ хотѣли возложить!» — Легче затягивайся, — закричалъ Костроминъ, отнявъ у Охина трубку: — ты подавишься или задохнешься! — Но Охинъ, не внимая ни шуткамъ, ни насмѣшкамъ и пребывая твердымъ въ намѣреніи своемъ, написалъ рапортъ, что, по приключившейся съ нимъ *вчерашняго числа* болѣзни, службы, на него возлагаемой, нести не можетъ. Разсыльный сѣлъ на выранжированнаго, подъемнаго, разбитаго коня, и поплелся въ Штабъ.

«Бей отбой, когда такъ,» сказалъ Костроминъ: «фальшивая тревога!» — Не совсѣмъ, — замѣтилъ Карачунъ: — Я напротивъ, думаю, что смѣло можно ударить во всѣ палки; тревога теперь

только–что начнется! *Чувствительное сердце* взбѣсится, пришлетъ освидѣтельствовать нашего больнаго, полетитъ предписаніе за предписаніемъ, а бѣдная Минерва и Агамемнонъ и ѣздоки ихъ, лишній разъ за это должны будутъ оттерпѣться! —

«Бросимъ это,» закричалъ Капитанъ, намекая на вчерашнія слова Охина, и подошелъ къ нему: «поговоримъ лучше о дѣльномъ.» — О водкѣ? — спросилъ Охинъ. Всѣ захохотали въ голосъ, пробили въ ладоши: браво! и удивлялись замысловатому и рѣшительному тону Охина. «Съ тобой я не стану говорить о водкѣ,» продолжалъ Капитанъ: «ты въ ней знаешь столько же толку, какъ Татарскій Мулла; съ тобою я поговорю о Полькахъ, о которыхъ ты распрашивалъ вчера Костромина, а нынѣ самъ съ ними познакомился; пораскажи намъ что нибудь; каково, напримѣръ, панна Зося отхватывала съ паномъ Пршепловецкимъ мазурку?»

— Я этого рябаго, усатаго жука застрѣлю когда нибудь, — сказалъ

Герстенмейеръ: — если онъ еще осмѣлится плясать при мнѣ въ венгеркѣ. —

«А ломался,» примолвилъ Капитанъ: «какъ звонарь на колокольнѣ, нечего сказать!»

— Пѣсни и пляска народная, даже и не въ первобытномъ своемъ состояніи, — началъ Костроминъ: а — болѣе или менѣе искуствомъ и просвѣщеніемъ искаженныя, носятъ на себѣ отпечатокъ кореннаго, основнаго нрава и быта народнаго въ высокой степени. О пѣсняхъ это уже давно замѣчено: страстный Испанецъ, томясь глубокою сладострастною нѣгою, никогда не выдохнетъ чувствъ своихъ напѣвомъ Французскаго, нѣжнаго, игриваго романса, или водевилемъ; а народное Русское ухо не найдетъ ни въ томъ, ни въ другомъ выраженій той сердечной, сладкой грусти, которую изливаетъ его заунывная: притуманились очи ясныя! Но то же самое можно сказать и о пляскѣ. Французская кадриль, верхъ искуства плясокъ общественныхъ, собственно изобрѣтеніе образованнаго Французскаго круга,

изображаетъ вамъ въ мимикѣ своей, людей веселыхъ, искусныхъ, ловкихъ на паркетѣ, легкихъ, изобрѣтательныхъ на игрушки, непостоянныхъ; изображаетъ: тонкость, кокетство, живость, проворство, этикетъ, верхъ утонченности и приличія на всѣ бездѣлки. Фанданго составленъ изъ положеній тѣла человѣческаго, живописующихъ страсть, нѣгу, безпечность, сладостное изступленіе. Тирольская пляска наполняетъ васъ чувствами истинно патріархальными. Кто видѣлъ пляшущихъ Молдаванъ, которые берутся руками за пояса другъ друга и медленно поворачиваются, притопывая согласно ногами, тотъ согласится, что если бы заставить человѣка плясать насильно, то онъ не могъ бы найти пляски, требующей менѣе ловкости, проворства, напряженія силъ и изобрѣтательности: каждое невольное однообразное движеніе показываетъ, что ему смертная лѣнь поднять руку или ногу! — Ни въ одной пляскѣ, напротивъ, человѣкъ, ломаясь всячески, не принимаетъ на себя столь

смѣлой, важной и отважной молодцеватой осанки, какъ въ мазуркѣ: это одушевленная ловкость, спесь, притворная откровенность, самохвальство, торжество надъ ничѣмъ, а наконецъ и вольное, короткое обращеніе съ другимъ поломъ. Даже Венгерская пляска выражаетъ не то: въ ней болѣе забавнаго, веселаго и шутовской предпріимчивости. —

«Правда!» закричалъ Карачунъ: «наша Русская пляска выражаетъ, напротивъ, въ разнообразныхъ движеніяхъ и положеніяхъ своихъ не одну радость и восторгъ изступительный, но и чувства иныя: искреннюю веселость, грусть, тоску, задумчивость, отвагу, рѣшимость и силу тѣлесную».

Въ разговорѣ этомъ, продлившемся до самаго обѣда, участвовали всѣ, кромѣ Охина. Онъ, сидя у окна, перелистывалъ Польскіе разговоры. Насталъ вечеръ. Человѣкъ верхомъ въ сюртукѣ съ красною выпушкою и бѣлыми пуговицами, остановилъ коня своего подъ низкимъ окномъ казармы, какъ Капитанъ называлъ общую квартиру офицеровъ, и этотъ, съ

восклицаніемъ: здравствуй, воскреситель! выскочилъ въ окно, обнялъ Штабъ–лекаря и спросилъ, не привезъ ли онъ ему въ гостинецъ горькаго набору? «Я слабъ желудкомъ,» продолжалъ онъ; «а чаю въ ротъ не беру, такъ надобно чѣмъ нибудь подкрѣпить молодость свою.» Потомъ, снявши феску съ головы, нагнувшись, и поглаживая себя по лысинѣ, прибавилъ: «вотъ, чудотворецъ, тебѣ задача — вспаши, взборони и посѣй, хоть кудряваго чебреца, хоть долговолосой кукурузы, лишь бы выросла!»

— Прежде всего, вотъ это, — сказалъ Докторъ, вступая съ нимъ въ комнату: подалъ ему бумагу и поздоровался съ офицерами. Всѣ его встрѣтили дружески, пожимая руку. Если врачъ, достойный званія своего, умѣетъ сколько нибудь обживаться съ людьми, то отношеніе его къ однополчанамъ бываетъ болѣе нежели пріязненное, дружеское. Въ самомъ дѣлѣ, онъ, въ составѣ полка, есть звено, не входящее въ эту цѣпь постепенной и непрестанной подчиненности, но не менѣе

того, необходимое для поддержанія цѣлаго. Съ нимъ, а иногда съ полковымъ Священникомъ, если онъ довольно образованъ, можно, забывшись на время, найти развлеченіе бесѣдою о вещахъ, непринадлежащихъ собственно къ службѣ. Офицеры между собою такъ обжились съ этимъ предметомъ, что могутъ находить отрадное разнообразіе въ разговорѣ только съ помощію посторонняго собесѣдника, который заставляетъ ихъ забывать на одинъ мигъ полезныя и необходимыя, но не менѣе того однообразныя занятія свои, которыя, какъ привидѣнія, являются имъ во всякомъ предметѣ, ихъ окружающемъ. Кромѣ того само собою разумѣется, что медикъ, умѣющій заслужить довѣріе, пользуется любовію и уваженіемъ въ немъ нуждающихся. Но не бываетъ и безъ непріятностей разнаго рода, которыхъ избѣгнуть иногда весьма трудно, и къ коимъ въ особенности принадлежитъ крайне затруднительное положеніе его, если офицеры не могутъ ладить съ

Полковникомъ, а сей послѣдній, опираясь на немъ, ставитъ его въ два огня.

Я говорю о несносномъ обыкновеніи иныхъ командировъ, требовать отъ врача каждый разъ, если офицеръ заболѣваетъ, письменнаго на то свидѣтельства. Къ счастію, командировъ такихъ немного. Это, воля ваша, несовмѣстно съ честію воинскою, и подчиненные не даромъ жалуются на оскорбленное честолюбіе! Это должно дѣлать съ разборчивостью, и только тамъ, гдѣ офицеръ подаетъ явный къ тому поводъ. Если офицеръ и подлинно иногда бываетъ вынужденъ прибѣгнуть къ единственному средству, чтобы избавиться отъ гласныхъ непріятностей, сказаться больнымъ и посидѣть два дня дома, то что остается дѣлать врачу, который напримѣръ у нашего *чувствительнаго сердца* долженъ пересвидѣтельствовать въ короткое время всѣхъ до одного? Надобно слишкомъ быть увѣрену въ совершенномъ здоровьѣ свидѣтельствуемаго, чтобы сказать объ офицерѣ, товарищѣ своемъ: онъ лжетъ и притворяется, — и все это по строгой формѣ

и на бумагѣ!! А можно ли всегда опредѣлять съ такою достовѣрностію степень какой нибудь небольшой немочи, безъ которой, можетъ быть, рѣдкій изъ насъ проводитъ нѣсколько дней сряду? Съ другой стороны командиръ требуетъ этого, и, при случаѣ, жалуется, налегаетъ на своего медика, который всегда болѣе или менѣе, у него въ рукахъ.

Въ бумагѣ, которую докторъ подалъ Капитану, заключалось повелѣніе на имя ихъ двухъ, освидѣтельствовать строжайше Поручика и Кавалера Охина, и представить за общимъ подписаніемъ о томъ, что будетъ найдено, свидѣтельство. «Боленъ,» сказалъ Капитанъ: «видитъ Богъ, боленъ. Онъ, съ Субботы на Воскресенье, свихнулъ голову.» — Голову и сердце, — замѣтилъ Карачунъ, — всё не на своемъ мѣстѣ: первая въ груди, второе на плечахъ! — «Кончимъ скорѣе,» отвѣчалъ докторъ, и подошелъ съ улыбкою къ Охину. «Здоровъ или боленъ?» — Боленъ, — отвѣчалъ этотъ, не вставая съ мѣста и глядя въ окно. — «Еще разъ спрашиваю,» продолжалъ

лекарь, положивъ руку ему на плечо: «твое слово въ строку пойдетъ, Охинъ: боленъ или здоровъ?» — Боленъ, боленъ, — отвѣчалъ Охинъ, вскакивая съ мѣста, и проглотивъ слезу, которая было едва не навернулась: — я въ самомъ дѣлѣ боленъ; мнѣ завалило грудь, я едва могу дышать! — «Откашляешься со временемъ, и все пройдетъ;» отвѣчалъ докторъ: «подайте же, если такъ, листъ бумаги, перо и чернилицу; печать и сургучъ я взялъ съ собою, зная, что у васъ нѣтъ ни того, ни другаго!» — Бумаги! — возгласилъ Капитанъ: — а между прочимъ водки! Воскреситель нашъ хочетъ съ дороги выпить! — Но бумаги ни въ чемоданахъ, ни подъ столами, ни даже у деньщиковъ не случилось; и такъ Мишка, снабженный двумя грошами, отправился отыскивать листа бумаги у жидовъ. Между тѣмъ герои наши, въ ожиданіи бумаги, удовольствовались закускою и капитанскою душепаркою.

ГЛАВА 7

Р Е К О Г Н О С Ц И Р О В К А.

Вотъ васъ бы съ тетушкою свесть,
Чтобъ всѣхъ знакомыхъ перечесть...

«О чемъ вы двое, Орестъ и Пиладъ, въ прошедшую Среду вечеромъ, такъ хохотали?» спросилъ Докторъ Карачуна и Костромина. Оба глядѣли на него съ удивленіемъ, и Карачунъ держалъ еще на воздухѣ хвостикъ селедки, который понесъ было чинно двумя пальчиками въ ротъ. — Объяснись, всевѣдущій, я не помню; когда и гдѣ? — «Въ Среду, часу въ шестомъ что ли, проходя черезъ базарную площадь, отъ жидовскаго бильярда, сюда, на квартиру,» отвѣчалъ Докторъ: «но чтобы не терзать васъ долѣе и не останавливать вашего пищеваренія, то прибавлю, что пани Комисарова видѣла и слышала все это въ окно, и немедленно увѣдомила насъ, штабныхъ, объ этомъ, при посѣщеніи

пріятельницы своей, нашей пани Подкоморжины.»

Друзья наши расмѣялись. «На этотъ разъ,» сказалъ Костроминъ: «лазутчики ваши напали на тайну, не слишкомъ важную. Мы шли черезъ площадь и встрѣтили — козла на дрожкахъ! Большой бѣлый козелъ пана Эконома находился нѣсколько времени въ бѣгахъ; а по немъ, какъ по другѣ дома, очень скучали. Выѣхавъ однажды за село, панъ Экономъ встрѣтилъ тамъ бѣглеца, напалъ на оплошнаго, поймалъ его, связалъ и отправилъ на дрожкахъ своихъ домой. Это зрѣлище подало намъ поводъ къ нѣкоторымъ общимъ размышленіямъ, при которыхъ мы оба, и Карачунъ, и я, правда, хохотали отъ души. Карачунъ первый замѣтилъ, что на дрожкахъ сидѣлъ не панъ Экономъ, а козелъ; а это намъ нѣсколько объяснило, почему сегодня у сѣдока оказались рога, которыхъ прежде, повидимому, не бывало; но я не могъ удержаться отъ невиннаго вопроса: въ первый ли разъ на этихъ дрожкахъ

разъѣзжаетъ съ такою важностію рогатый звѣрь? А злодѣй Карачунъ сдѣлалъ двоякое общее приложеніе частнаго вопроса моего ко всему тому, что только разъѣзжаетъ по бѣлу свѣту, не только на дрожкахъ, но даже въ коляскахъ, въ каретахъ.... «Во–первыхъ,» сказалъ онъ, «не всегда такъ ясно видно, что проѣзжающая особа дѣйствительно и несомнѣнно принадлежитъ къ роду животныхъ; во–вторыхъ, рѣдко можно съ такою точностію, какъ въ этомъ случаѣ, опредѣлить, къ какому именно роду и виду скотина принадлежитъ; далѣе: животное на дрожкахъ связано по рукамъ, по ногамъ, и кучеръ держитъ его за рога; у подъѣзда хозяйка выбѣгаетъ, радостно встрѣчаетъ оплаканнаго друга своего и нѣжно лобызаетъ, между тѣмъ какъ знакомый намъ уже усачъ въ черной венгеркѣ, таинственный вездѣ и нигдѣ, осторожно подходитъ къ рогатому, и опасливо спрашиваетъ, не дерется ли онъ. Хозяйка увѣряетъ, что смирнѣе этого чудака, не смотря на огромные крученые рога его и

широкій костяной лобъ, нѣтъ на свѣтѣ! Какое обширное поле для размышленія, любезный Данило; сообрази только все это! Козелъ глупо трясетъ головою и бородою, и заикается: ме–э–э–э..... А ребятишки, дѣти пани Экономовой, садятся всѣ на бѣднаго козла, и этотъ, повиливая хвостикомъ, везетъ ихъ на себѣ, какъ своихъ! Но теперь входитъ на дворъ и самъ панъ Экономъ, пѣшечкомъ, тихо подходитъ къ дражайшей половинѣ своей, и кричитъ ей на ухо: ме–э–э–э.... Это ты, другъ мой, мій коханый, говоритъ она и обнимаетъ его нѣжно, между тѣмъ, какъ изумленный гость отступаетъ, кланяется неловко, и недовѣрчиво глядитъ на него, какъ будто бы также хочетъ спросить: не бодается ли онъ? но ребятишки, увидѣвъ папеньку, забываютъ козла, прибѣгаютъ, вѣшаются всѣ на него, и онъ кряхтя подъ ношею, тащитъ ихъ всѣхъ на себѣ, вслѣдъ за драгою половиною въ комнаты. О Данило!» продолжалъ онъ, подходя ближе къ Доктору, и положивъ наконецъ руки на оба плеча его: «зачѣмъ я не живописецъ?

зачѣмъ мнѣ суждено, какъ баснословному Танталу, видѣть и постигать сокровища эти, пищу жадной души; насытясь ими, не оплакивать безвременную смерть ихъ, отпѣвать въ воображеніи своемъ, хоронить въ безднѣ мыслей бывалыхъ, править тризну по нимъ, кой–когда воспоминаніями, въ присутствіи друзей, которые меня понимаютъ, и не быть въ состояніи соорудить по крайней мѣрѣ, своимъ иждивеніемъ, памятникъ надгробный, несокрушаемый, вѣчно гласящій! О Данило!» воскликнулъ вдохновенный: «не дай умереть имъ безъ пособія отраднаго, воскреситель, чудотворецъ, исцѣли, спаси ихъ!»

Данило, пожавъ руку его, отвѣчалъ: «Такъ какъ ты меня теперь умоляешь, дружище, не разъ молила мать о исцѣленіи младенца, братъ о сестрѣ, сестра о другѣ — но милые ихъ угасали, какъ пестрыя картины творческаго воображенія твоего, погружались въ вѣчность, какъ онѣ; время мгновенно расторгало узы между нами и ими, увлекало скорбящихъ мірожителей

впередъ, съ собою, а тѣ, и вся ихъ дружба, и жаркая любовь, и тѣсныя живыхъ съ живыми связи, всё это тонуло въ безпредѣльности; обращалось въ былое! Не вѣрь, Костроминъ, не вѣрь и ты, Карачунъ, и всѣ вы, братья, не вѣрьте въ бѣдствующее, ничтожное ремесло наше! Это гиганты, посягающіе на Зиждителя; это пышныя, великолѣпныя потѣшныя огни, послѣ сожженія коихъ остаются обгорѣлыя щепки, лучины и свертки; это водометъ, гремящій подъ небеса плотнымъ водянымъ столпомъ, и разсыпающійся ничтожною пѣной!»

— Грѣшишь, — возгласилъ Капитанъ, указывая на широкій рубецъ обнаженной груди своей: — а это что? — «Это, тою же плотью связалось,» отвѣчалъ Данило: «изъ которой весь ты созданъ!»

— Грѣшишь, — сказалъ Герстенмейеръ, поглаживая лѣвую икру свою: — а это что? — «Засхло, якъ на собацѣ,» отвѣчалъ Докторъ, «если не прогнѣваешься на Малороссійскую поговорку, гласящую

истину: моей вины тутъ столько же, сколько у Капитана волосъ на лысинѣ.»

— Грѣшишь, — сказалъ Карачунъ..... «Полно, полно хвалиться, друзья мои,» возразилъ Докторъ: «знаю, что вы всѣ служили грудью, и что изъ всѣхъ насъ, можетъ быть, я одинъ только не раненъ; но за то, надѣюсь, окажете мнѣ справедливость засвидѣтельствовать, что рѣдкаго изъ васъ поражала пуля или сабля не въ моихъ глазахъ!» — Правда — возгласили всѣ въ голосъ, тѣснились около Данилы и пожимали ему руку. «Здравствуй же!» возгласилъ Капитанъ, придравшись къ сей вѣрной оказіи, и осушилъ рюмку свою.

Мишка принесъ измятый листъ сѣрой бумаги; Докторъ обрѣзалъ его, сѣлъ и написалъ:

«На основаніи предписанія Командира Карасу–базарскаго Драгунскаго полка, Г. Полковника и Кавалера Галлебера, отъ 17 Августа 1830 года за № 829–мъ, свидѣтельствовалъ я, обще съ Г. Капитаномъ и Кавалеромъ Старобыховымъ, онаго жъ полка

Г. Поручика Охина, причемъ и оказалось, что онъ, будучи сложенія нѣжнаго, полнокровнаго, удобораздражаемаго, дѣйствительно страждетъ тупою болью и затруднительнымъ дыханіемъ отъ прилива крови къ грудной полости (Dolor pectoriэ obtuэuэ et difficultaэ reэpirandi, ab orgaэmo эanguiniэ congeэtivo); но, опредѣлить мѣру и степень недуга сего, съ поясненіемъ, можетъ ли Г. Поручикъ Охинъ исправлять возложенныя на него по службѣ обязанности, или нѣтъ, какъ то именно предписывается онымъ повелѣніемъ, мы, при добросовѣстномъ исполненіи долга своего, отнюдь не въ состояніи; почему и должно, по мнѣнію нашему, рѣшеніе сего вопроса предоставить собственному чувству немогущаго, тѣмъ болѣе, что болѣзнь сего рода непостоянна и въ припадкахъ своихъ весьма разнообразна. Въ чемъ и свидѣтельствуемъ, за подписаніемъ общимъ нашимъ, а я, съ приложеніемъ герба моего печати. Августа 17 дня 1830 года. Старшій Лекарь *Карасу–базарскаго* Драгунскаго полка N. N. *Карасу–базарскаго*

Драгунскаго полка Капитанъ Старобыховъ.»

Вошелъ Мишка и доложилъ, что къ заднимъ воротамъ подъѣхалъ, на плетеной бриченкѣ, жидъ и просилъ переговорить съ господами. Какой жидъ? За чѣмъ? Позови его. Дверь растворилась и — явился знакомецъ нашъ, въ башмакахъ безъ задниковъ, въ чулкахъ безъ пятокъ, Мойшель, арендаржъ пана Жабруцкаго. Поклонъ, другой, третій, и, бокомъ, началъ онъ подвигаться вдоль стѣны къ братіи нашей. Я бы не кончилъ сегодня, если бы захотѣлъ пересказывать всѣ ужимки его и осторожное приближеніе къ предмету своему помощію двусмысленнаго: азе–але…азе… тего, овего…. и все это при общемъ хохотѣ и шуткахъ присутствующихъ, что его однако же нисколько не смущало; наконецъ онъ попалъ въ колею, и, опасливо озираясь, спросилъ таинственно, правда ли, что панове Капитанове, т. е. что господа Капитаны, намѣрены разобрать дочерей пана Жабруцкаго. Громкій, общій хохотъ

едва не сбилъ его съ ногъ; онъ присѣлъ, и, осторожно возрастая до естественной величины и лѣпоты своей, окидывалъ всѣхъ по очереди лукавымъ, проницательнымъ взоромъ черныхъ искрящихся очей своихъ. Конецъ пѣсни, послѣ длиннаго азе…але…азе… былъ тотъ, что онъ, основываясь на слухахъ, на догадкахъ, и на томъ, что видѣли поздно вечеромъ, проходя мимо саду въ Чаповцѣ, пріѣхалъ предостеречь пановъ Капитановъ, и въ то же время рекомендовать домъ пана Пршепловецкаго, отца, гдѣ дѣвицы скромны и житницы полны.

Костроминъ и Карачунъ насилу удержали Герстенмейера, который, выдернувъ черешневый чубукъ изъ Турецкой трубки, уже возносилъ мстительную десную свою, орудіемъ симъ вооруженную, надъ раменами Израильтянина. Охинъ сидѣлъ у окна, какъ пораженный ударомъ. Одинъ мигъ, и пани Комисарова только могла видѣть и узнать, проницательнымъ взоромъ своимъ, Мойшеля, который, помахивая непрестанно

прутомъ, на концѣ котораго былъ навязанъ какой–то обрывокъ, мчался во весь духъ въ бричкѣ своей по пыльной дорогѣ.

ГЛАВА 8

Р А С П Л О Х Ъ .

Что за комисія, Создатель,
Быть взрослой дочери отцомъ!

Прошли дни, недѣли однообразной жизни героевъ нашихъ. Охинъ не сдержалъ обѣта своего, не сидѣлъ дома, а проживалъ большею частію у паньства Жабруцкихъ, и невольно чуждался нѣсколько товарищей своихъ. Онъ не стрѣлялся съ Мойшелемъ, какъ то ему совѣтовалъ Костроминъ, но проѣзжалъ за то всегда мимо корчмы его рысью; а Капитанъ въ тотъ же день отправилъ къ Мойшелю, черезъ нарочнаго, нѣсколько бутылокъ наливки, которыя, какъ оказалось, были оставлены жидомъ при посѣщеніи своемъ, въ деньщичьей комнатѣ, и велѣлъ объявить ему черезъ

краснорѣчивыя и убѣдительныя уста своего усатаго, широкоплечаго валета, чтобы Мойшель, на все время стоянки эскадрона въ Огиркахъ, числилъ себя выранжированнымъ, забракованнымъ и проданнымъ съ аукціоннаго торга за три съ полтиною на чужія руки — однимъ словомъ, стертымъ съ лица земли, несуществующимъ; и чтобы въ слѣдствіе сего, подъ карою висѣлицы, отнюдь и ни подъ какимъ предлогомъ не смѣлъ попадаться на драгунскіе глаза; а по эскадрону отдалъ приказъ: бить его каждому драгуну, гдѣ кто ни встрѣтитъ!

Охинъ уже сказался здоровымъ, ѣздилъ въ Штабъ, изложилъ причины, побуждающія его отказаться на первый случай отъ почетной должности Адъютанта, причины, которыхъ и самъ Полковникъ Галлеберъ и чувствительное сердце его устранить не могли; получилъ разрѣшеніе Корпуснаго Командира: *жениться на дѣвицѣ Софіи*, дочери помѣщика Жабруцкаго, и, блаженствуя, встрѣчалъ съ выспренняго полета своего

торжествующимъ, преображеннымъ взоромъ все то, что вокругъ него пресмыкалось долу, въ ничтожной суетности мірской, грязло во прахѣ плоти! Товарищамъ его оставалось только принять на себя при семъ обязанность лицедѣевъ страдательныхъ, поздравить его и желать ему дружески всего, чего только мы собрату нашему пожелать въ состояніи. «Обдѣлилъ пѣхоту,» ворчалъ Капитанъ. — Мойшель не худой пророкъ, — говорилъ Костроминъ. — «Дай Богъ чтобы козелъ нашъ не оказался вѣщуномъ,» сказалъ Карачунъ: «а мнѣ отъ него что–то отбою нѣтъ, все въ глазахъ мерещится! Но еще предвѣщаніе Мойшеля не вполнѣ исполнилось: это только *одна*, а ихъ *три!*» Онъ взглянулъ на Герстенмейера, который распутывалъ трехцвѣтные снурки и кисти Лифляндской трубки своей и, зардѣвшись, промолчалъ. «Ужъ вы съ своимъ козломъ,» возгласилъ Капитанъ: «затвердили какъ сорока Якова, одно про всякаго! Само собою разумѣется, что въ баню итти, такъ и

пару не бояться; удается казаку быть и на конѣ и подъ конемъ, это не новое!»

Вошелъ блаженствующій женихъ и просилъ всѣхъ товарищей своихъ на утро къ будущему тестю своему, на помолвку, и обѣщалъ пировать съ ними тамъ три дня. Весь полкъ будетъ, даже Полковникъ, и *Балаклавцы*, т. е. драгуны одной съ *Карасубазарцами* бригады.

Гости подлинно съѣхались, пировали, ликовали; офицерскія палатки и шатры раскинуты были живописно вокругъ семибашеннаго замка пана Жабруцкаго, и этотъ, гордо озирая многолюдное стеченіе, коего онъ былъ средоточіемъ, почиталъ себя удѣльнымъ Княземъ, а гостей вассалами своими. Разливное море потѣхъ полилось съ самаго утра, и затѣямъ не было конца. Первый день провели въ забавахъ и пиршествѣ домашнихъ, а другой былъ назначенъ для охоты, въ коей долженствовали участвовать всѣ гости. Панъ Жабруцкій при этомъ случаѣ блеснулъ оружейною своею, коей богатые и драгоцѣнные ружья, штуцеры, винтовки

наканунѣ уже были выставлены на показъ въ богатоукрашенныхъ пирамидахъ, съ большими, мѣдными блестящими колпаками. Особенные шатры были разбиты для дворовыхъ охотниковъ, на скорую руку изъ окружной шляхты собранныхъ, и часовой, въ полномъ вооруженіи стрѣлка, важно расхаживалъ между пирамидами. Съ расвѣтомъ другаго дня, лагерь снялся, караванъ тронулся, и замокъ стихъ и опустѣлъ. Женскому обществу было назначено сборное мѣсто на условленномъ урочищѣ, въ три часа, гдѣ уже будутъ разбиты шатры и куда возьметъ направленіе все нимвродово поколѣніе подъ эгидою Діаны. Панъ Жабруцкій закидывалъ облаву за облавой; пятьсотъ мужиковъ, конныхъ и пѣшихъ, обхватывали полукружіемъ поле за полемъ, весь за весью, лѣсъ за лѣсомъ, и ставили на неумолимыхъ стрѣлковъ и звѣря, и лису, и козу, и зайца. Громкій гикъ голосистыхъ порскуновъ, звонъ колокольчиковъ, стукъ въ сковороды, дробь трещотокъ раздавались съ одной стороны; звучные

одинокіе выстрѣлы съ другой, и уже всѣ стрѣлки наши, кромѣ Полковника Галлебера, коего чувствительное сердце было не причастно и не доступно такого варварскаго увеселенія, онъ не могъ проливать крови, — всѣ стрѣлки, говорю, болѣе или менѣе, могли похвалиться промахами, проглядками и удачными выстрѣлами, когда Охинъ, стоявшій за густымъ кустомъ, послышалъ передъ собою въ отдаленіи глухой шелестъ. — Все опять стихло, и Охинъ, съ напряженіемъ внимая возрастающимъ постепенно въ силѣ своей голосамъ, приближающихся съ противоположной стороны загонщиковъ, взвелъ курокъ, и, съ сильно біющимся сердцемъ, выжидалъ неизбѣжнаго мгновенія, которое долженствовало рѣшить участь притаившагося звѣря... Это лиса, думалъ восторженный, и старая лиса; но теперь ей моихъ рукъ не миновать! Сердце у него отъ нетерпѣнія стучало вслухъ. Громче, громче сливной гулъ, ближе звонкіе голоса возмутителей покоя, спасающихся бѣгствомъ обитателей лѣсовъ

дремучихъ — уже можно было отличать одиночные голоса и рѣзкія трещотки. «Теперь,» подумалъ Охинъ, «теперь крайній срокъ твой наступаетъ,» и самъ притаилъ духъ отъ нетерпѣнія. Вотъ всполошилось: кусты хрустятъ — Пафъ! грянулъ Охинъ однимъ стволомъ — пафъ! другимъ, пафъ, пафъ! пустили бѣглый огонь сосѣди его и однополчане....

Рѣзкій крикъ человѣческаго голоса поразилъ изумленныхъ стрѣлковъ. Они бросились въ чащу лѣса, и увидѣли.... чѣмъ начать, скажите, и чѣмъ кончить? кого увидѣли, съ кѣмъ и зачѣмъ они здѣсь? здѣсь, гдѣ сегодня не надлежало быть никому, кромѣ зайца или лисицы, волка или крылатой ногами серны?

«Горностай и рысь!» возгласилъ Капитанъ, который первый пришелъ въ себя, когда дѣло обнаружилось: «рысь и горностай! а! два рѣдкіе звѣря въ этихъ странахъ!»

Соберусь съ духомъ, и скажу въ двухъ словахъ, что случилось; умолчать объ

этомъ не могу, да и любопытство читателей моихъ молчаніемъ не удовлетворится.

Усатый рябой Полякъ въ черной венгеркѣ, таинственный вездѣ и нигдѣ, какъ мы его прозвали, имѣлъ надобность переговорить еще сегодня съ тою дѣвицею, которая такъ мило отхватывала съ нимъ мазурку, и, по примѣру цѣлаго общества, которое не призадумалось назначить себѣ общее сборное мѣсто послѣ охоты, испросилъ себѣ частное свиданіе, на перепутьѣ къ первому, но, по несчастію, оно было такъ худо расчитано, что вошло въ округъ пятой облавы! Бесѣдующая чета наша какъ–то зазѣвалась и замѣтила ошибку свою, когда уже загонщики гикнули съ одного конца лѣса и слѣдовательно стрѣлки обставили другой; они кидались туда, сюда, наконецъ бросились вдоль цѣпи, въ надеждѣ выскочить съ боку — шутка, которая и лисѣ не всегда удается — и они набѣжали прямо на лѣвое крыло стрѣлковъ, гдѣ фланкировали пріятели наши, драгуны!

Капитанъ, Карачунъ, Костроминъ и Докторъ сбѣжались около подстрѣленнаго усача въ венгеркѣ, на котораго Охинъ первый руку наложилъ, давъ ему въ задатокъ салютъ изъ двухствольнаго ружья своего, и Данило объявилъ, что хотя синякамъ отъ крупной дроби на тѣлѣ усача счету не будетъ, и около дюжины–другой закожныхъ ранъ надобно будетъ покопаться, чтобы вырѣзать дробины, но что, по видимому, опасности не предстоитъ ни малѣйшей. —

Уже облава выказывалась въ просвѣтахъ лѣса. Драгуны наши схватили поспѣшно добычу свою, рысь, потащили съ собою и отправили на первомъ воловьемъ возу въ село. Бѣленькій горностай нашъ благополучно и не бывъ болѣе ни кѣмъ замѣченъ, достигъ Чаповца.

Охинъ былъ безъ ума, безъ языка; но пріятели наши приступили къ нему и требовали отъ него рѣшительно, чтобы онъ передъ ними объяснился открыто, что онъ намѣренъ теперь дѣлать? «Что хотите,» отвѣчалъ тотъ, бросившись въ объятія

друзей: «дѣлайте, что хотите.... меня здѣсь никто болѣе не увидитъ; я сажусь на коня, и ѣду безъ оглядки въ Огирки!»

Костроминъ, Карачунъ и Докторъ, потолковавъ между собою, во–первыхъ, взяли слово съ Капитана и кто еще присутствовалъ при этомъ явленіи, отнюдь нигдѣ не разглашать о томъ, что случилось; потомъ отыскали пана Жабруцкаго, и крайне удивили его нежданнымъ извѣстіемъ и объясненіемъ. Онъ мялся, жался, горячился, чуть не плакалъ, опять горячился, но все не въ прокъ: наши три пріятеля оставались твердыми и рѣшительными въ мѣрахъ своихъ, и Панъ Жабруцкій наконецъ съ благодарностію принужденъ былъ принять позволеніе благородныхъ посредниковъ, чтобы отказъ послѣдовалъ со стороны отца и невѣсты. Онъ объявилъ послѣ охоты сотрапезницамъ и собутыльникамъ своимъ, съ видомъ надменнымъ, что обстоятельства непредвидѣнныя вынуждаютъ его отказать жениху въ день самой помолвки. «Къ счастію,» прибавилъ онъ, «еще время!»

Пусть досужіе читатели пишутъ по этому полю пораженныя лица присутствовавшихъ; пусть прислушиваются къ толкамъ и пересудамъ всѣхъ повѣтовъ Подольской губерніи; замѣчу только, что Охину урокъ этотъ не помѣшалъ: къ нашему брату сплетни и оговоры не льнутъ, они съ насъ — какъ съ гуся вода; къ счастію, мы не красныя дѣвицы!

Друзья наши, возвращаясь вечеромъ домой, опять въ раздумьѣ согласно затянули: не одна–то во полѣ дороженька пролегала; хохолъ Карачунъ былъ всегдашній запѣвало; Юнкеръ, братъ его, тонкимъ голосомъ выносилъ и заливался въ плясовыхъ, подголоски подхватывали, и кони ихъ шагали въ мѣру. Удивленный Мойшель подстерегъ отставшаго нѣсколько Капитанскаго драгуна, и объявилъ ему, что Охинъ проѣздомъ вызвалъ его и подарилъ ему, «далибугъ не вѣмъ за цо, дукатъ!» т. е. червонецъ. Пани Комисарова до половины высунулась изъ окна своего на темную улицу, провожая взорами отрядъ, которому, по достовѣрнымъ извѣстіямъ,

надлежало воротиться только завтра. Галлеберъ высѣкъ Аполлона и Минерву за то, что не могъ вывѣдать отъ офицеровъ истинной причины отказа. Охинъ поступилъ въ Адъютанты, и старался, мотаясь между швальней, Канцеляріей и музыкантскою, забыть, чего нельзя было передѣлать. «Откашляешься, и пройдетъ» утѣшалъ его Данило. Герстенмейеръ намоталъ на усъ неудачную попытку Охина, и восхищался тѣмъ, что неучу–мазуристу разстрѣляли венгерку и испестрили шкуру; а Капитанъ пріобщилъ къ числу поговорокъ своихъ восклицаніе: «рысь и горностай! — рѣдкіе звѣри въ нашихъ странахъ; этому будутъ со временемъ удивляться, не менѣе того, какъ мы дивимся нынѣ, читая въ лѣтописяхъ, что у насъ въ Подмосковной водились бобры!!!» И каждый разъ послѣ этого онъ спрашивалъ: «между прочимъ — водки!»

В. ДАЛЬ